

Людмила Облова

СМЕЯ СМЕЯТЬСЯ

В статті, в діалогічній формі, досліджується сміх як такий і сміх як стан. Підставою розмислів є усвідомлення сміху як істинної сутності людини, а також виведення предметних проявів сміху. Стверджується, що власне сміх, відрізняючись від «приватного» сміху, є відсутністю.

Ключови слова: сміх, кумедність, людина. *В статье, в диалогической форме, исследуется смех как таковой и смех как состояние. Основанием рассуждений есть осознание смеха как бытийствующей сущности человека, а так же выведение содержательных проявлений смеха. Утверждается, что самоё смех, в отличии от «частного» смеха, есть отсутствие.*

Ключевые слова: смех, комичное, человек.

The article is devoted to dialogic analysis of the laughter as it is and the laughter as a condition. The foundation of reasoning is awareness of laughter as real essence of humanity and the laughter's contents measuring. The principal position is that the laughter as it is, in a difference from a private laughter, is absence.

Keywords: laughter, the comic, human being.

Смеющийся. Намедни, обращаясь к творчеству Ф. М. Достоевского, я узнал, что мыслитель полагал, будто человек устроен комически [2, с. 426].

Смех. И это совершенно потрясающее замечание.

Смеющийся. Если вспомнить попытки антропологических поисков, определить человечность как разумность, способность к созданию орудий, умение играть, талант говорить «нет», дар надеяться и т. п., то, вежливо присоединяясь к неумолимому разнообразию, можно смело утверждать, что человек – это единственное во Вселенной существо, способное смеяться. А значит, специфически человеческое – погруженность в смех.

Смех. То, что смех – истинно человеческое, говорили и до тебя. Так считал, например, А. Бергсон. Так думал Н. Г. Чернышевский. При таком понимании сразу надо настроиться на то, что смеется человек не потому, что он такой исключительный, а исключительно из-за своего «устройства».

Смеющийся. Неужели именно «комическое устройство» человеческой сущности будоражит мир вселенским трепетом и приводит происходящее в действие перемен.

Смех. Так и есть. Единственно, не будоражит, а содрогает. Человек не только пребывает в действительности, а еще и жаждет действительного. При этом он необходимо окарикатуривает самого себя и так бытийствует.

Смеющийся. Выходит, что надо заглянуть в «строение» человека, то есть познать структуру человеческого, и таким образом приподнять завесу тайны над человеческим.

Смех. Мысль славная, только вот разрезая или разверзая мыслящее существо, необходимо сталкиваешься с совершенно «нечаянными» механизмами человеческого.

Смеющийся. То есть неожиданными?

Смех. Именно нежеланными, а не неожиданными. Неожиданность внезапна, но не инстинктивна. Хотя в подобного рода операциях чувствуется инфантильное чутьё единственно возможного способа понять самоё себя и так уловить связь с миром. Последовательность проникновения в устройство человека, в комизм его присутствия происходит сквозь «зазор». Должен быть некий доступ к себе не гротескному.

Смеющийся. Что это за «зазор», открывающий «прикол» человеческого «налада»?

Смех. Это просвет, – особенное место-пространство, обеспечивающее конституирование человеком своей сущности.

Смеющийся. Это что же – щель или брешь некая?

Смех. Это путь.

Смеющийся. Вот так казус. Если «зазор» – не отверстие, то как человеку заглянуть в сингулярное?

Смех. Анатомируя человека, сам человек вторгся «в себя» и понял, что смотреть в-нутрь не так уже и весело. Утроба набита суб-вещами, которые владеют суб-энергиями и слаженно работают благодаря четкости суб-ординации. К тому же подобное исследование можно сделать только с мертвым. Помощь человечеству из морга облегчает боль, укрощает болезнь. Но силу бессмертия только обещает.

Смеющийся. Значит, через «порез» не узнать *большее в себе*?

Смех. Что-то в тебе шевелится, веселун.

Смеющийся. В таком случае, надо открыть портал, найти люфт в особенное. Я понял, «зазор» – это скважина.

Смех. Втискиваясь в душу, человек бурит то, на чем покоится. И, результативно, видит извержение сокровенного «из себя». Это сопровождается пониманием того, что смотреть в «несть» тоже не радостно. Прорываясь через изначальное (за внутренний мир), сталкиваешься с «астралом» (светилой), утрамбованным астерисками, указывающими на твою ссылку.

Смеющийся. То есть ко мне обязательно обращаются свыше?

Смех. Нет, это не «литературная» ссылка. Речь идет о твоём изгнании за поиск информации в духовном. Ты понят как «отброс».

Смеющийся. Ужас какой! То есть звезды с неба лучше не срывать?

Смех. Что лучше – решать тебе. Но не забывай, что выведенное «из себя» уплотнено тем, что сносит (минует, изматывает) нечто исконное, присущее каждому человеку как человеку. «Астрал» не учитывает тебя, ибо там, где и так «несет», ты не нужен. Человеческое (уникальное) для «светил» – несносность. Они не выдерживают исконного (любого-любого), ибо относятся к миру неразумно.

Смеющийся. Поэтому «накальвают» безусловность? То есть «прикальвают» абсолютное к предметной реальности?

Смех. Ты уже говоришь моим языком. Хотя «приколотая» вечность – не моя юдоль. «Уколотая» вечность ноет и раздражает. К тому же, однажды пронизанная, она не проходит.

Смеющийся. Снова: помощь человечеству из «выпаленного», колотого мнима.

Смех. Злобствуешь...

Смеющийся. Просто опять не понимаю.

Смех. «Зазор» – не проникновение, а проникновенность. Не надо ниразверзать, ни накальвать, прокальвать то, что изначально однородно.

Смеющийся. Значит, невозможно юркнуть в изначальность.

Смех. Юркнуть как раз возможно. Я только что тебе рассказывал о подобного рода уловках. Только это будет попадание в нечто иллюзорное, а не в окончательную цель человечества.

Смеющийся. Значит, избегая манкирующих маневров, поддамся течению происходящего, и ветер перемен сам занесет меня в должное.

Смех. Так ты опять рискуешь потерять разумное отношение и встретиться с холодностью мира. Истинное вынесение себя в вечность не «дрейфует»: оно созидательно.

Смеющийся. Ты смеешься надо мной!

Смех. А может, всё наоборот?

*Смеющийся.*оборот... Поворот... Странное состояние... Ура!!! Истинное вынесение себя в вечность происходит не «во вне» и не «в себе». А *собой* творит изначальное. Постоянным «поворотом» возвращает человеку себя. И потому не теряет верного курса. Надо осмысленно искать мир, и мир неизбежно ответит. Будет приветлив.

Смех. Ты меня поразил.

Смеющийся. Итак, понять человеческое можно лишь став самому себе основанием. Только в акте самоосновательного стремления к человечеству. Я счастлив! Но подожди, а что значит быть самому себе

основанием? Значит, видимые (рационально осмысленные) основания для человека – только кажимость?

Смех. Ну, во-первых, быть самому себе основанием – не значит потерять голову от свободы и катиться «колобком» подальше от творца.

Смеющийся. А во-вторых?

Смех. И в то же время не понимать себя субреткой судьбы.

Смеющийся. Ты не разрешаешь весело нестись «куда хочу», наталкиваясь на приключения. И не желаешь уместного подчинения. Как же тебе угодить?

Смех. Быть себе основанием – не всеразрешающее или удобное, а безжалостное дело. В стремлении познать самое себя тебе не избежать иронических поступков. Только это не повод стать букой. Важно предаваясь шуткам не обидеть собеседника. Особенно когда этот собеседник – мир. Иначе общение с тобой будет неприятным, а так недалеко и до понимания человека нелюдимом.

Смеющийся. Это просто цирк.

Смех. Можно сказать, и да, и нет, ибо, как было уже сказано, путь к себе необходимо сопровождается «наездами», приключениями, анекдотами. Гуттаперчевостью и парением мысли. Казус в том, что она – не дающаяся в руки мысль – единственная тебе «госпожа», требующая не педантичности умствования, а невозможности: прокладывать путь к чистоте человеческого от себя (греха) подальше, а не педалировать возвратом назад к пережитому. Обращаясь к своей изначальности с помощью пережитого, ты не просто окарикариваешь себя – ты заядлый комедиант. Словесная эквилибристика, она же аффектное остроумие, – только помеха разумному самоопределению.

Смеющийся. Попытаюсь без сожалений обойти пережитое и понятное и, опираясь на невозможное, устремлюсь к самому себе. Помоги мне сдвинуться с места.

Смех. Ты не каланча. Сам двигайся. То есть просто не останавливайся на понятном.

Смеющийся. Общаясь с тобой, я становлюсь занудой.

Смех. Это кажимость. Ты становишься сосредоточенным, собранным.

Смеющийся. Может, все-таки, порадуешь «началом».

Смех. Чтобы уловить комизм внутреннего мира человека, надо сначала принципиально различить то, что не поддается осмеянию в силу абсолютной «неловкости», непредставимости, но что есть основанием всех шуток (и злых, и добрых), и то, что постоянно подвергается насмешкам (инаковее). Итак, предлагаю (не отшучиваясь!) принять то, что проникновение в атмосферу человеческого достоинства происходит

одновременно «интимно» и в шутку. И что все акты прикосания к запретному смешны (милы). Это разрешит уловить проявления смеха на уровне трансцендентального мира. То есть уловить комизм сущности (сущность комизма) человечества. И в пределах предметного мира (содержание комизма).

Смеющийся. Таким образом, к устройству человеческой сущности нужно подходить не сбоку, а с хорошо развитым чувством юмора?

Смех. И помнить о том, что предложенный подход – не смехота, а «хохма»¹.

Смеющийся. Ты как будто повторил то, что мы уже проговорили.

Смех. Тебя не устраивает такое «начало»?

Смеющийся. Это, по-моему, мне не угодить.

Смех. Ты все время теряешь из виду «поворот».

Смеющийся. Ладно, больше не буду контролировать себя. Стану вопрошать о человеческом устройстве импульсом «от себя».

Смех. Попробуй.

Смеющийся. Считаю важным знать: почему человек смеется?

Смех. Вопрос о том, почему человек смеется – не опека изначальности. Такая его постановка не вопрошает, а указывает на функциональную возможность смеха быть и причиной удачной шутки, и следствием услышанного анекдота.

Смеющийся. Хорошо, что тебя нельзя убить.

Смех. Хорошо, что тебя можно рассмешить до смерти.

Смеющийся. Ты способен смешить?

Смех. Вряд ли. Смех – всеобщая необходимость. То есть закон, а закон, как известно, шутить не любит.

Смеющийся. Вместо вопрошания ударился в спрашивание. Прости, я сам не знаю, зачем веду себя как хохмач.

Смех. Человек действительно и угождает смехом, и успокаивает им. Прикрывает им настроение и демонстрирует свое отношение.

Смеющийся. Я уже и не знаю, что мне делать?

Смех. Прислушиваться к большему в себе. Изначальность, опираясь на подлинность человеческого существа «притягивать», волнуется сущностью смеха.

Смеющийся. То есть человек удивителен? Коль скоро он – диво, значит он – чудаки?

Смех. Человек парадоксально (вселенски) притягателен. Он не в силах «обнять» происходящее, но «привлекает» действительность к себе. Он не всегда интересен происходящему, но, откликаясь вечному участию (а

может, побуждаясь вечным к участию), – несказанно увлекает. Человек – не чужак, а существо способное на чудо.

Смеющийся. Поэтому человеку присуще смеяться. Он не владеет смехом, но и не пленник смеха. Человек *умеет* смеяться. И умение это не наработанное, а непосредственное.

Смех. Моя школа.

Смеющийся. Смех – это урок!

Смех. Смех на самом деле способствует особенному извлечению. Строго говоря, непринужденности прозрения.

Смеющийся. Смех – не однозначная структура, ибо в миг его «звучания» (извлечения) мы не до конца понимаем, что происходит: нас привлекают к себе или отталкивают от себя? Смех всегда синхронно и тяготит, и облегчает происходящее.

Смех. Это свидетельствует о том, что смех – нечто неявно длящееся, хотя зримо происходящее отрывисто. То есть ситуации смеха не сродни событию смеха. Никогда не возникающий смех или смех как таковой не укладывается ни в один анекдот и не поддается ни одному острьяку, ибо присутствует везде и не способен сворачиваться в одномерное или смещаться в сторону.

Смеющийся. Смех как таковой невозможно вызвать?

Смех. И не нужно. Это давным-давно набранный аккорд. Смех всегда остается противовесом (талантом). И не бывает на чьей-то стороне. Смех просто есть. Как верно отметил А. Бергсон, «равнодушие – естественная среда комического», при том, что «смех нуждается в отклике» [1, с. 12–13].

Смеющийся. Ну, ты и язва. Вроде открыт, но всегда замкнут.

Смех. Смех – не отверстие, а путь. Это способность судить о происходящем *не так* как принято, но *в меру*. То есть, не исходя из приписанных действительности черт, действовать импульсом «от себя». При этом не наглеть мнением, а самостоятельно самореализовываться. Не зря И. Кант сказал, что «юмором называется такое остроумие, которое возникает из расположения человека к парадоксам...» [3, с. 129]. Амбивалентное, а не страстное отношение гармонично объединяет тебя и мир, разрешая всему играть, а не разыгрывать и забавляться.

Смеющийся. То есть необходимо просто жить?

Смех. Строго говоря, жить просто, быть верным себе. Слушать мысль, внимать небу, радоваться лучам солнца, удивляться мерцанию звезд, изумляться светлomu, упразднить тенью. Познавая необходимость, человек и буквально, и символически высекает себя. В звучании мира есть бессмертная радость. А вихрь хихиканья и хахаканья и так

обязательно закружит, поднимая на смех всю твою несуразность. Вынося на суд «свои варварские нелепицы» (Кузанец)² не раз придется съязвить, поддаваясь желчному смеху, в ситуации борьбы за свою собственную, неповторимо проживающую грань. Впасть в тщетность своего пути, праздно извиняясь перед собой сквозь легкую улыбку за суетность обстоятельств, которые тянешь на своих плечах и не можешь нагло сбросить. Разразиться хохотом от бессилия, разрядиться комедией, уходя от трагедии наяву. Дерзнуть поставить хвосту на место обращением к безжалостной насмешке. Запахнуться шутовской гримасой в результате конфуза или падения духа. И все эти «способы» соизмерять себя и мир, хоть и принатуживают тебя, кривят лицо ужасом встречи с Ничто, но в то же время не фиксируют кривизну, а берегут твое достоинство и живут твое естество.

Смеющаяся. Чуть не ломака получается человек. Создается впечатление, что человеческая сущность обречена гримасничать во избежание нахлестывающих жизненных сюрпризов.

Смех. Выше говорилось не о гримасе как потребности выкручиваться из складывающихся обстоятельств. И не о необходимости в процессе самоопределения поднимать свою суть курам на смех. И сразу замечу: не надо воображать смех, представленный улыбкой, геометрической кривой, как некой прямой от точки к точке, как от поломки действительности одной остротой до поломки происходящего следующим умствованием. Я говорил о странной способности человека в шутку и улыбаясь ставить серьезные (разумные) вопросы, не соглашаясь на данное и несмешное (вышколенное). Этот дар вспыхивания неожиданного и игнорирования безжизненного и малодушного есть утверждением плавности, непрерывности (волнения) неизменного, вечного. А то, что человек время от времени оказывается в комическом положении, – только работа содержательных проявлений смеха. Другое дело, что содержательный момент, забуксовав, злонамеренно рекомендует человека неприветливым существом и всегда выражает нелицеприятное. То шутка, представ казарменной, выбьет тебя из безусловного требования быть вежливым. То внутренняя предвзятость не отпускает мысль и, выскоблив ее, оборачивает против своего «родителя». И обернувшись в комика, человек уже не реализовывает порученное в удел, а пишет фельетон о своем предназначении.

Смеющийся. А я думаю, что смех, представленный в улыбке (юмор), – это освежающий всплеск души, или то, что растягивает «бездну» к пульсирующим моментам разного, и сотрясает бытийствующего.

Смех. Лихо! «Просвет» расширенный в то, что расположено на-встречу друг другу. Вспоминается Кант с «внезапным превращением напряженного ожидания в ничто» [4, с. 352].

Смеющийся. Такие интерпретации сложно высказывать, ибо они искренни и не приемлемы многими.

Смех. Априорные умозаключения разума вообще нельзя высказать. Они всегда есть сильнейшим испытанием «собственным».

Смеющийся. Зато бытует мнение о том, что смех искажает лицо. И что, в конце концов, это маска. Поэтому и думается, что человек – ломака, кривляка и шут.

Смех. Мысль о том, что смех – маска, затертая. Надо сказать, что это и не мнение вовсе. Скорее информация, инструментарий «анонимного существа» (М. Хайдеггер). Ведь мысль о том, что смех – маска лишена должной скромности и «интимности» философствующего. Стоит погрузиться в сеть Интернета с вопросом о смехе, как база данных навязывает мысль о том, что смех – это маска. В таком положении смех лишается своего пристанища и уже не способен говорить из себя самого. Вот это и есть буксовка содержательного проявления смеха, когда «милость» случившегося превращается в «опалу». Вопрос о смехе, заданный с установкой на предметное, оказывается бессмысленным и неизбежно награждает бесполезными ответами. На самом деле смех не отражается на лице и не маскирует лицо. Он светит сквозь лицо, знаменуя человека, волнующимся, то есть непротиворечивым существом.

Смеющийся. Смех – это лицо?

Смех. Такое проникновение вопрошает и отвечает одновременно. То есть избегает смешного зрелища, когда задающий вопрос напоминает того, кто доит козла, при этом побужденный к нелепым ответам напоминает того, кто держит под козлом решето. Это мне опять Кант вспомнился.

Смеющийся. Кант хорошо различал щедрый образ мысли (юмор) и отвратительную виртуозность ума (умствование).

Смех. Единственный способ уловить неизвестность чего-то большего, чем ёрничество и шутовство происходящего, – это посмотреть в лицо действительности, вежливо промолчав об увиденном. И в то же время, уйти в сторону, уступая идее, а не славиться умником. Кант не умничал и не оригинальничал, поэтому и различал филодокса и философа. Его мысли милы и при всей своей «казусности» не только не тщедушны, а и не покушаются на сущностную возможность мысли как таковой. Поэтому вечная опала трансцендентализму не грозит. Люди могут и будут подсмеиваться над идеей философа, но только временно.

Смеющийся. Но человек часто, желая остаться невредимым, использует смех в качестве «навеса» от случающегося.

Смех. Часто, но не всегда. Это случается тогда, когда человек начинает заниматься не своим делом³. Смехом и вправду приходится прикрывать щекотливые ситуации и неловкие положения. Об этом уже было сказано. Только это всегда видно и еще сильнее подчеркивает как неадекватность случившегося, так и изворотливость того, кто имитирует замысел происходящего.

Смеющийся. Защищаясь смехом, человек неизбежно обличает себя поклонником маскарадной жизни?

Смех. Да. Это существо, вошедшее во вкус искусственного и поддельного. Используя смех как щит или крышу, приходится демонстрировать не то чтобы свою дурость (беззащитность), а внутреннее развратишко, то есть расколотость, растасованность свободы. Используя смех, человек под видом юмора прощупывает свою силу вторжения в Другого, и, манипулируя остроумием, необходимо покушается на личное. Эта духовная афера видно работает. Ее плоды действительны и разрушительны.

Смеющийся. Иначе говоря, поддаться маскараду – значит незаметно для себя стать средством (забавой, погрешностью) в игре происходящего. И плоско маневрировать сквозь плутовство достоинством. То есть не познавать негласное, а мошеннически проделывать фокусы над самим собой, собственно человеческим основанием? Привлекая внимание на себя, человек уже не видит большего в себе. Он увлечен не человечеством, а «Я»?

Смех. Ты подхватываешь на лету. Смех как средство расправы с происходящим – удел внутренне ужимистых и внешне нарочитых (назойливых) людей. Ему предаются ушлые игроки, привыкшие действовать «против» и думающие, что смех – обложка, а значит, только прикрывает (обличает?). Они оппозиционеры и, наряжая сингулярное однократным, не чувствуют меру бытийствующего, а задают рамку мнимого изыскания. Но ведь смех – это феномен, не дающий санкцию на духовную фальсификацию, а то, что разоблачает в игре игрока. Иначе говоря, показывает человека не мирным, а мирским существом. В действительности *смех не снять*. Он сам снимает грим капризов и чудачеств (грех, неустойчивость), но не преодолевает смеющегося (незыблемое).

Смеющийся. Буду стараться избегать притворного смеха.

Смех. Притворный смех – тоже духовное мошенничество, только это не смех, которым прикрывают исконный конфуз, а подхалимаж комическому.

Смеющийся. А в чем разница маскарадного суждения и угождающего умствования?

Смех. Начну заново. И то, и другое – пародии «комического устройства человека». При этом смех притворщика не наряден, а скрытен. Это не фарс, то есть не обман с целью развлечения, а лесть, нацеленная на сопротивление предустановленному. Притворный смех, в отличие от маскарадного не острит, а воскуряет. Он есть уделом «казачков». Поэтому угодлив, выгоден, удобен и втихомолку, без «украшательств» вводит в заблуждение.

Смеющийся. Но ведь лакеям тоже есть что скрывать.

Смех. Не совсем так. Притворщик изворачивается по-своему. «Слуга» не развлекается с основанием, а «зажат» и заискивает. Поэтому не прикрывает должное существующим, а беспрекословно копирует необходимое. Понимая элементарное требования быть комическим как издевку (приказ), духовный раб не способен балаганить настоящее, подтягивая происходящее под обманную глупость или лживую нелепость, а привередничает. Притворщик вторит Другому, поэтому внешним образом избегает лицемерия. На самом деле, он не искренне, с недовольством выполняя предназначенное, сам остается невидимым и неслышимым. Оставаясь неразличимым, а точнее невыразительным, раб внутренне претенциозен и всегда есть недругом, а не мотом. Проще говоря, «ряженный» (балагур) баламутит (искажает) действительное положение вещей тем, что, переоценивая себя и недооценивая должное, хозяйничает (резвится) в изначальности. Его поступки пошло-несерьезные, неумно праздные. А притворщик (шут) берedit то, что происходит вечным недовольством. Он досаждает должному тем, что, недооценивая как себя, так и надлежащее, язвит безусловности. Притворщик труслив и, искусно паясничая с достоинством, не смеет не то чтобы бахвальствовать, а даже ошибиться. Он балансер и его грубость не шальная, а витиевата. При этом все его поступки духовно неотесанны и отмечены душевным бездельем.

Смеющийся. Вот так неувязка. Смехом нельзя исправлять, и вообще – смех нельзя использовать. Он судьбоносен?

Смех. В своем естественном состоянии человек смеется неослабно и просто так. Без гримас и предписаний. Он рад другу, весел с любимыми, непринужденно счастлив, когда все меняется раз и навсегда.

Смеющийся. Смех – это пустота...

Смех. Урок, лицо и пустота – символы смеха, с которым человек просто (и легко!) мирится. То есть некий исход, условие безусловной возможности

пробовать себя заново и с нуля. Пространство мысли, в которое все естество мыслящего существа не просто проваливается, а на основании чего человеческое признается полным, завершенным, свершившимся.

Смеющийся. А. Бергсон считал, что смешному противостоит безобразное, поэтому утверждал, что «смешным может быть всякое уродство, которое изобразит правильно сложенный человек» [1, с. 22]. Выходит, что внутренняя неправильность (развязность) так или иначе искажая меру познания мира и себя, сводит человека с основания, чем неизбежно окарικатурирует его естество. И если не смириться с конечностью своей попытки узнать себя и мир и возвести ее в абсолюте, тогда становишься внутренне «несимпатичным». Тот, кто предан карнавалу, то есть духовный аферист, так же как и духовный иждивенец (притворщик), потеряв бытийственную слаженность, изуродованы и только беснуются. Они оба не «просто комичны», а комики. То есть, наложено комичны. Их «шутки» (попытки самопознания) безвкусны и вызывают скорее душевный дискомфорт, чем расположенность мира к себе. Значит, будучи комичным, не надо бояться вызывать улыбки? Гораздо хуже, оказавшись в состоянии смеха, заострив ситуацию, превратиться в комедианта или, уступив нравственному ляпсу, определиться паяцем. Тогда то великое в мире, что появляется сначала в форме чудовищной ужасающей карикатуры (Ницше), не запечатлеет себя в человеческом сердце, а заживет своей жизнью и, прилипнув к лицу, исковеркает исконно человеческое. Уложит в анекдот то, что есть абсолютно неловким, безусловно комичным.

Смех. Еще Аристотель в «Поэтике» назвал безобразие и ошибку комическими. А мы смогли почувствовать край той неизбежной ошибки (комизма), которая страшна не тем, что в нее безальтернативно впадает человек, а тем, что, переваливаясь за себя, она теряет необходимую «славнось» и, представляя положение человека жалким, становится оскорбительной для человеческого достоинства. Теперь есть возможность уловить, почему содержательные проявления смеха (комедия, анекдот, фарс, улыбка, насмешка, острота, юмор, сатира, сарказм др.) всегда будут смешны, тогда как самоё смех (как и все «как таковое»), оставаясь незаинтересованным и бескорыстным, не поддается жалу заострения. Содержательные проявления смеха, как прояснилось, могут быть и созидательными и разрушительными. Здесь все зависит от внутренней силы смеющегося. Сущность смеха, будучи всегда поверх эмпирических состояний смеха, и она одинаково спокойна.

Смеющийся. Еще я понимаю, что, испытывая смех, влечь его себе на пользу – изначальный проигрыш. Это значить усугубить свою структуру

(норму) и быть не мыслящим существом, а его карикатурой. Смехом не защитить себя, не скрыть свое «несоответствие», не преодолеть Ничто. Смех – отсутствие. Он испытующ. Поэтому свойственен (удостаивает) исключительно присутствующему существу.

Примечания

- ¹ К слову, «мудрость» на древнееврейском языке звучит как «хохма».
 - ² В арварской нелепицей Николай Кузанский назвал свои размышления об ученом незнании [5, С. 49].
 - ³ З анятие не своим делом есть подменой предназначения своей противоположностью – суетой.
1. Бергсон А. Смех / Предисл. и примеч. И. С. Вдовина.– М.: Искусство, 1992.– 127 с.
 2. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 12 т.– Т. 2.– М.: Правда, 1982.– 560 с.
 3. Кант И. Изречения = Kant. Aphorismen = Kant. Aphorisms / Сост. и науч. ред. В. Н. Брюшинкин.– Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.– 167 с.
 4. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в 6 т. [Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана].– Т. 5.– М.: Мысль, 1966.– 564 с.
 5. Кузанский Н. Об ученом незнании // Кузанский Н. Сочинения в 2-х т.омах.– Т.1: Пер. В. В. Биbihина.– М.: Мысль, 1979.– С. 47–184.